

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ПРИВЯЗАННОСТИ В ЮНОСТИ

П. Криттенден (перевод: К.В. Ягнюк)

Юность - период драматических изменений в отношениях привязанности. Благодаря этим переменам дети в будущем сами становятся фигурами привязанности для своих партнеров по браку, а затем и детей и начинают строить свою собственную жизнь в мире, в котором присутствуют и безопасность, и угроза. Кроме того, юность достигает кульминационной точки процесса развития, в котором взаимодействие с родителями формирует психику и поведение ребенка таким образом, который или подготавливает его к жизни вне семьи, или нет. Когда членам семьи угрожает опасность, особенно повторяющаяся или обманчивая угроза, дети могут освоить неадекватные межличностные стратегии, которые делают их жизнь вне родительской семьи, особенно брак и воспитание детей, трудной. С другой стороны, благодаря происходящему в подростковом возрасте неврологическому созреванию у подростков впервые возникает возможность для независимого пересмотра и изменения того наследия, которое они вынесли из их детства.

Привязанность как конструкт развития: модель динамического созревания

До подросткового возраста, привязанность относится только к самозащитным стратегиям, которые дети используют, главным образом в отношении родителей, когда чувствуют угрозу и дискомфорт. После пубертата привязанность также включает сексуальные отношения и стратегии, направленные на ровесников. Отношения привязанности могут быть описаны в виде следующих паттернов: (а) отношений, (б) обработки информации, (в) стратегии самозащиты. Все эти три перспективы будут рассмотрены с точки зрения того, как психические и физические изменения связаны с отношениями привязанности подростков.

Отношения привязанности - это результат взаимодействия генетических и врожденных процессов, и опыта. Поскольку со временем и в том, и в другом происходят перемены, паттерны привязанности также изменяются. То есть отношения, паттерны обработки информации и самозащитные стратегии взрослого человека имеют гораздо более сложный характер, чем это имеет место у младенца.

Подростковый возраст и юность, особенно ее поздний этап, вплоть до 25 лет - это окончательный период, когда физическое и мозговое созревание оказывает влияние на паттерны привязанности. В этот период, с 15 до 25 лет, обретенные ранее паттерны

отношений интегрируются с новыми психическими и физическими умениями, в результате чего формируются взрослые паттерны самозащиты и продолжения рода. Эти новые способности включают абстрактное мышление, сексуальное возбуждение и репродуктивное поведение. Данный интегративный процесс и его значения для адаптации - центральная тема этой статьи.

Паттерны отношений

С рождения человеческие существа обращаются к другим людям, которые могут защитить и успокоить их. К девятимесячному возрасту большинство младенцев идентифицируют одного или двух конкретных людей, обычно родителей, которые заботятся о них, к кому они обращаются, когда переживают угрозу или дискомфорт (Bowlby, 1969/1982). Эти люди становятся для них фигурами привязанности, обеспечивающими защиту перед лицом угрозы и утешение при переживании дистресса. Через взаимодействие с фигурами привязанности ребенок постепенно научается самостоятельно обеспечивать эти функции. Однако граница между личной компетентностью и межличностной зависимостью остается колеблющейся, поскольку нужда в обеспечивающих защиту фигурах привязанности сохраняется всю жизнь. Иначе говоря, фигуры привязанности выполняют свою функцию в нашей постоянно меняющейся зоне ближайшего развития (Crittenden, 1995).

На ранних этапах развития отношения между младенцем и фигурой привязанности несимметричны и не обоюдны. Возможности младенцев и родителей совершенно различны, поэтому младенцы не заботятся о своих родителях. Младенцы изучают мир, удаляясь от фигур привязанности, когда они чувствуют себя безопасно, и возвращаются к ним, когда переживают угрозу и дискомфорт. В дошкольный период дети начинают бросать вызов статусу родителей, но они еще воспринимают их как всезнающих и всемогущих. В школьные годы дети начинают поиск альтернативных фигур привязанности, сходных с ними по статусу. Эти объекты становятся "лучшими друзьями", с которыми они исследуют физический и социальный мир и к кому они обращаются за защитой и успокоением в ситуациях слабой или средней угрозы. Подобное исследование - это поле деятельности объединившейся детской группы, но при возникновении серьезной угрозы дети по-прежнему бегут домой к маме, чтобы обрести защиту и комфорт. В то же самое время, дети школьного возраста узнают, что их родители не являются всезнающими и что они не всегда оправдывают возлагаемые на них ожидания. Эти изменения могут создавать запутанность в отношениях, а успех в обращении с множественными типами отношений, обеспечивающими разные, частично перекрывающиеся функции, предсказывает успех в романтических отношениях в юности (Collins & Stroufe, 1999). Отношения с лучшим другом симметричны, но не обоюдны, то есть, каждый ребенок ищет заботы от другого, но не думает о себе как об обеспечивающем заботу.

В юношеский период отношения с родителями ослабевают. Для подростка становится совершенно очевидно, что его родители не совершенны и уязвимы. Осознание того, что родители не могут полностью обеспечить функцию защиты, может подорвать привязанность подростка к ним и способствовать формированию новых привязанностей к ровесникам. В подростковом возрасте отношения с лучшими друзьями трансформируются тройным образом. Во-первых, при переходе от средней к поздней фазе юности лучшим другом становится представитель противоположного пола - романтический партнер, с которым подросток переживает сексуальное желание (Salvin-Williams & Berndt, 1990). Сексуальное желание, с его предсказуемым результатом, а именно деторождением, является центральной особенностью юности, особенно поздней фазы. Оно обеспечивает новые средства переживания близости и выражения любви, и создает новые побудительные причины для сохранения отношений в периоды стресса. Кроме того, сексуальное желание представляет новые способы достижения комфорта и снижения возбуждения. Более того, будучи столь высоко мотивированным, на самом элементарном уровне половой акт не предъявляет каких-то особых требований к социальным или вербальным навыкам. Иначе говоря, сексуальная активность так высоко мотивирована, что почти каждый подросток вовлекается в нее. Таким образом, центральная задача юности состоит в обретении через сексуальную активность близости и защиты для будущего потомства.

Во-вторых, романтические отношения обеспечивают многие функции. В современных обществах, в которых решена проблема выживания, романтические отношения являются предшественником брачных отношений. Оба партнера, наряду с важнейшими функциями выживания и размножения, имеют также ожидания в плане осуществления целого ряда психологических, эмоциональных и социальных функций. Это оказывает большое давление на выбор партнера и типа отношений, по сравнению с традиционными обществами, в которых брак обеспечивал функции выживания и продолжения рода, а любовь почти не принималась в расчет.

В-третьих, романтические отношения в гораздо большей степени приобретают характер взаимности. Каждый партнер осознает свое значение для другого и принимает ответственность за заботу о другом (Burthmester, 1996; Windle, 1994). В зрелых отношениях привязанности взрослых людей каждый из партнеров является фигурой привязанности для другого. На смену исследовательских вылазок от фигур привязанности в младенческом и детском возрасте приходит исследование совместных интересов с партнером. Эти изменения свидетельствуют о завершении молодыми взрослыми переноса их первичных отношений привязанности с родителей на партнера, обычно по браку.

В течение юности индивиды научаются выбирать такого партнера, с которым они чувствуют себя безопасно и комфортно, и начинают подумывать о собственных детях. Выбор партнера - не легкая задача: половина взрослых считают, что они сделали

ошибочный выбор (Bumpass & Raley, 1995). Муж или жена спустя какое-то время оказывается просто ужасным человеком. В этой ситуации развод оказывается единственным выходом, приводящий к существенным материальным, эмоциональным и социальным издержкам. Данная проблема, похоже, связана с двумя ошибочными суждениями. Одно из них - неверное предсказание совместного будущего в период знакомства. Другое, по-видимому, связано с детским предположением, что существуют совершенные люди, если не родители, то партнеры. Для каждого из нас лично, а также для общества в целом, стоит задача построения симметричных и обоюдных отношений привязанности, в которых другой все равно принимается, несмотря на его несовершенство. Кульминация интегративного процесса, обеспечивающего этот результат, происходит в поздний период юности. Этот переход обычно порождает возрастание самооценки, самоэффективности и социальной поддержки (Schulenberg, O'Malley, Bachman, & Johnston, 2000). Однако этот процесс может также выявить недостаточную готовность к совладанию с этой переменной. Если переход от привязанности к родителям к привязанности к партнеру происходит слишком быстро, резко, с неподходящим партнером или не в полной мере, то могут возникнуть проблемы. Центральная задача юности, а именно выбор брачного партнера - наименее признаваемая самими подростками (Arnett, 2001), и, вместе с тем, наиболее высоко ими же оцениваемая как залог счастливого будущего (Arnett 2000).

Паттерны обработки информации

Почему так много людей выбирают партнера, которого они считают самым лучшим, порой просто совершенным, лишь для того, чтобы спустя некоторое время развестись с ним, считая данного человека самым худшим партнером? Каким образом мы столь кардинально обманываем себя? Ответ на этот вопрос мы получим при рассмотрении трансформации сенсорной стимуляции в полную значения информацию, посредством которой мы организуем наше поведение.

Этот процесс начинается с рождения и продолжается всю жизнь, однако критические шаги осуществляются в период юности. Младенец воспринимает только часть доступной сенсорной стимуляции - о собственном физическом состоянии и действиях других, влияющих на него. Эта сенсорная стимуляция преобразуется в информацию о текущем состоянии. Преобразование стимуляции происходит мгновенно, при этом информация воспринимается младенцем как истинная. Со временем, однако, младенец узнает, что некоторая информация незначима или даже опасна. Некоторые младенцы усваивают, что негативный аффект, например плач, приводит к гневу родителей. Эти младенцы научаются тормозить плач, то есть они исключают негативный аффект из организации своего поведения. Это создает риск, потому что аффект, особенно негативный, обеспечивает самозащитное поведение. Отказ от обработки негативного аффекта может привести к неудаче в определении ситуаций, когда требуется самозащитное поведение.

Другие младенцы сталкиваются с непредсказуемой реакцией на их поведение, так как родители каждый раз совершенно по-разному реагируют на одно и то же их поведение. Эти младенцы научаются отсекают временную/каузальную информацию от психической обработки. Провал в определении каузальных последствий, ведущих к угрозе, препятствует их изменению. Помимо того, могут возникнуть ложные связи. Такое суеверное научение основано на ошибочной информации. Так, например, сенсорная стимуляция может рассматриваться в качестве истинно предсказывающей информации и отсекается от последующей обработки, как если бы она имела смысл (хотя она не имеет смысла).

В дошкольные годы дети научаются подделывать позитивный аффект (поскольку он доставляет удовольствие некоторым взрослым), в то время как другие научаются искажать негативный аффект (поскольку некоторые взрослые соответствующим образом реагируют на него). Иначе говоря, происходит два новых преобразования: поддельный и искаженный аффект. В школьные годы дети научаются вводить в заблуждение других касательно их намерений, особенно - намерения плохо себя вести. Это ложная когниция, неверная презентация временного/каузального порядка событий. Они составляют пять возможных преобразований информации. Только соединяясь через корковую интеграцию эти погрешности искаженных атрибуций могут быть выявлены и исправлены.

Подростки должны научиться применять и интегрировать все пять преобразований, а также определять их применение другими. Это возвращает нас к вопросу выбора партнера. Как мы можем предсказать в начале отношений, каким партнер будет в дальнейшем? Это проблема предсказания. Какую информацию важно принять во внимание и что она значит? Ответ на этот вопрос весьма сложен.

Большое количество времени подростки тратят на то, чтобы представить себя в привлекательном свете - так, чтобы привлечь других, особенно партнера противоположного пола. Является ли привлекательная внешность действительно предсказывающей, искаженной или даже ложной? Здесь важны два навыка, которые развиваются с самого раннего возраста. Во-первых, необходима децентровка от собственной точки зрения. То есть, к подростковому возрасту индивиды должны быть способны воспринять информацию о других людях без чрезмерного соотнесения с собою. Во-вторых, следует быть готовым к тому, что показавшееся очевидным во время знакомства окажется неверным. Может быть упущена важная информация (например, спортсмен может скрывать свои интеллектуальные интересы, чтобы произвести впечатление на своих друзей, или сердитый парень может скрывать свое негодование по отношению к женщинам, чтобы привлечь сексуальную девушку). Информация также может искажаться, например, девушка может казаться парню милой и внимательной, хотя в действительности она порой чувствует разочарование и скуку. Ошибочная информация включает некоторые личные чувства, совершенно не относящиеся к делу, которые, однако, воспринимаются как важные предсказатели (основанные на ошибочном

убеждении, что собственные чувства и интуиция не могут быть ошибочны). Ложная информация вводит в заблуждение. Подросткам нужно научиться отделять кажущиеся внешние качества от более сложной реальности. Подводя итог, можно сказать, что все виды преобразования информации уже используются маленькими детьми, но только подростки, с их способностью мыслить абстрактно, имеют потенциал, чтобы явным образом выделить их. Только они способны использовать их знание, чтобы подумать о разнице между внешностью и реальностью и оградить себя от искажений - чужих и собственных. Когда прошлый опыт и текущие состояния вмешиваются в этот процесс, может потребоваться помощь.

Стратегии самозащиты

Центральным направлением моей работы является развитие модели стратегий, используемых индивидами для организации самозащитного и репродуктивного поведения (Crittenden, 1997). Эта модель связана с развитием и начинается с очень простых стратегий - основанных на верной и исключенной информации. В процессе развития стратегии разрабатываются с включением искаженной, ошибочной и ложной информации, до тех пор, пока не будет доступен широкий набор верных и обманчивых стратегий, что обычно достигается к ранней взрослости. На основании наблюдений Эйнсворт за младенцами были выделены три основные группы стратегий, названные А, В и С (Ainsworth, Blehar, Waters & Wall, 1978).

Стратегии типа А используют верные и искаженные временные прогнозы, или верное или искаженное познание и иногда ложный позитивный аффект, но последовательно исключают негативный аффект из ментальной обработки и поведения. Люди типа А кажутся эмоционально сдержанными и совершенно предсказуемыми. Если говорить в целом, то это индивиды, полагающиеся на правила и воспринимающие мир исходя из точки зрения других людей. Существует множество видов паттерна типа А. Некоторые невозмутимы и собранны, другие вовлечены в компульсивную заботу о других, особенно о тех, кто кажется слабым и нуждающимся. Некоторые угодливы и покорны, особенно по отношению к тем, кто злится и угрожает. Другие становятся чрезмерно полагающимися на собственные силы. Обычно такая установка формируется в юности, после того, как индивид обнаруживает, что он не может регулировать поведение родителей - значимых, но вместе с тем опасных или не обеспечивающих защиту фигур. Они отказываются от близких отношений, как только становятся достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно заботиться о себе. Некоторые из них вступают в беспорядочные связи. И вновь такое поведение формируется в юности, поскольку близкие отношения оказались ненадежными, а незнакомые люди воспринимаются как несущие надежду на близость и сексуальное удовлетворение. Две наиболее искаженные формы (которые развиваются только в период ранней взрослости) - это иллюзорная идеализация фигур, якобы обеспечивающих защиту и созданное напоказ Я. Последняя обычно связана со

злоупотреблением или пренебрежением в детстве, которое лишает индивида такой способности развития, как репрезентация Я.

Вследствие непредсказуемости реакций других стратегии типа С используют аффект как центральный источник информации. Использование аффекта носит принудительный характер, при этом смешанные негативные чувства разделяются, преувеличиваются и перемежаются друг с другом, чтобы создать мощную стратегию для привлечения внимания и манипуляции чувствами и реакциями других. Происходит чередование презентации сильного, сердитого и неуязвимого Я с появлением слабого, боязливого и уязвимого. Появление гневной части пробуждает в другом уступчивость и вину, в то время как уязвимое Я вызывает симпатию и заботу. Этот паттерн чередования часто встречается в парах с проявлениями насилия, при этом скрытая сторона паттерна обычно забывается и прощается, пока она вновь не проявит себя. В крайних случаях этот паттерн может сопровождаться иллюзиями беспредельной мести вездесущим силам (угрожающая стратегия) или, наоборот, параноидными страхами.

Стратегия типа В включает сбалансированную интеграцию когнитивного, временного предсказания и аффекта. Индивиды типа В в детстве имели возможность научиться использовать целый ряд искаженных стратегий. Неудача в признании искажения и обмана, и нежелание использовать эти стратегии делают честного индивида в лучшем случае наивным, в худшем глупцом и потенциальной жертвой обмана.

Центральное положение данной модели состоит в том, что незащищенность от опасности, особенно неотвратимой и непредсказуемой опасности, и отсутствие комфорта приводит к развитию наиболее искаженных трансформаций и наиболее сложных стратегий (Crittenden, 1999). Они устанавливаются только в период поздней юности и ранней взрослости. После пубертата достижение сексуального удовлетворения и репродуктивного успеха интегрируется с защитной функцией привязанности. Это означает, что явно искаженные стратегии обычно включают некоторую форму сексуальной дисфункции.

С другой стороны, в поздний период юности находящиеся в угрожающем положении индивиды могут продуктивно осмыслить свой собственный опыт и то, каким образом он влияет на их поведение. Они становятся способными рассмотреть возможность других жизненных ситуаций, в которых безопасность и комфорт возможны и предсказуемы. Этот вызов может реорганизовать их взрослую жизнь, особенно их выбор партнера и отношение к детям. В результате они и их будущие семьи могут достичь безопасности. Подростки, чье детство было безопасным, сталкиваются с противоположным вызовом: развить набор стратегий, который позволит им сохранять чувство безопасности в мире, где существует угроза, предательство и страдание.

Интеграция

Центральной задачей юности является интеграция: физическая, эмоциональная и интеллектуальная (Masten & Coastworth, 1998). На физическом уровне происходит интеграция силы и мягкости, сексуального поведения и осторожности. На эмоциональном уровне достигается баланс мотивировки наших чувств, в том числе интеграция сексуального желания с другими чувствами, включая наше понимание чувств другого и интеллектуальное понимание ситуаций. Без этого баланса наша возможность выбирать как себя вести, а также выбора партнера ограничена. Ментальная интеграция подразумевает способность сознательно и абстрактно думать о причинах собственного поведения, а также поведения других. Это позволяет разглядеть самообман и уловки других. Без интеграции мы плохо подготовлены к регуляции нашего собственного поведения и переходу от привязанности к родительским фигурам к привязанности к партнеру по браку. Неудача в достижении этих форм интеграции приводит к невозможности сохранить свой брак и проблемам в воспитании и защите собственных детей.

Интеграция против фрагментации

Искажение в обработке информации и стратегиях может привести к выбору неподходящего партнера. Сходным образом, если мы не осознаем склонность других к искажению, мы можем оказаться жертвой их обмана. В любом случае мы рискуем безопасностью и комфортом, своими, а также брачного партнера и детей. Если нам не удастся создать и сохранять зрелые отношения, обеспечивающие защиту и комфорт, а также репродукцию и сексуальное удовлетворение, мы можем фрагментировать эти функции, стремясь удовлетворить их в отношениях с разными людьми. Часто это приводит к использованию разных стратегий, в результате чего удовлетворение одной потребности входит в противоречие с удовлетворением другой. Например, стремление обрести комфорт с брачным партнером, а сексуальное удовлетворение - с кем-то другим может привести к разрушению брака. Неудовлетворенность в связи с несовершенством партнера может вызвать к жизни используемые в детстве самозащитные стратегии.

Фрагментация функций обычно ослабляет отношения. Помимо этого, искать комфорта или сексуального удовлетворения в других отношениях значит подвергать себя опасности. Сходным образом, раскол между желанием иметь детей и поиском сексуального удовлетворения может привести к достижению в одном и провалу в другом. Неспособность принять несовершенство в себе или в другом может привести к отказу от отношений. Такого рода провалы, впервые переживаемые в юности, могут послужить толчком для изменения. Такое изменение может привести к реорганизации детских отношений, паттернов атрибуции смысла информации и стратегий достижения безопасности и комфорта, деторождения и сексуального удовлетворения.

Интеграция и расхождение

Даже в наиболее благоприятных обстоятельствах подростков типа В расхождение - это путь к интеграции. Существует несколько способов, какими подросток, живший в безопасности и комфорте, может начать осознавать опасности и искажения жизни. Один из них - оказаться жертвой несчастных событий. Часто именно после того, как подросток переживает обман или удар, он начинает пересматривать представление о себе и других. Нередко толчком становится сопоставление собственного вполне благоприятного опыта с более трудными обстоятельствами других. Иногда эти другие - персонажи из новостей или книг. К сожалению, правда, без личного опыта возможность для понимания сложностей жизни крайне ограничена, и может зачастую приводить лишь к наивному идеализму. Нельзя достичь интеграции без понимания сложности жизни. Процесс интеграции зависит от признания расхождения, а расхождение, в свою очередь, лучше выявляется через переживание неосуществленных ожиданий и неожиданного негативного аффекта.

Выбор подходящего партнера для отношений - трудная задача, которая может способствовать интеграции, однако еще более трудным делом является сохранение отношений и разрешение возникающих проблем. В ходе самых ранних любовных отношений подростки опробуют на практике свои собственные стратегии для обращения с межличностными проблемами, чтобы обрести взаимное удовлетворение, а также учатся иметь дело со стратегиями, которые используют их партнеры.

Интеграция множественных отношений

Подростки и взрослые должны справляться не только с отношениями с любовным партнером, но и с целым рядом других отношений привязанности, которые подвергаются изменениям в этот период. Эта сложная задача. С нашими родителями мы должны постепенно трансформировать несимметричные и не обоюдные отношения детства по направлению к большей симметрии и обоюдности. В отношениях с партнером также необходима взаимность. Взаимная забота партнеров друг о друге создают комфорт и защиту - для нас и для нашего потомства. По отношению к детям мы должны принять роль заботящегося лица в несимметричных и не обоюдных отношениях, которые со временем, когда ребенок вырастет, будут трансформированы. Существование других близких отношений, которые отчасти покрывают некоторые функции отношений привязанности, снижает давления на партнера по браку. Однако, когда такие отношения берут на себя такие важные функции брачных отношений, как сексуальное удовлетворение и поддержка потомства, они могут нести угрозу отношениям привязанности. Обращение с целым рядом отношений - это большой вызов. Однако от этого зависит выживание и счастье нас и наших детей.

Литература

- Ainsworth, M. D. S., Blehar, M., Waters, E., & Wall, S. (1978), *Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation*. Hillsdale, NJ: Erlbaum Assoc.
- Arnett, J. J. (2001). Conceptions of the transition to adulthood: Perspectives from adolescence through midlife. *Journal of Adult Development*, 8, 133-143.
- Arnett, J. J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 55, 469-480.
- Bowlby, J. (1969/1982). *Attachment and loss. Vol. I: Attachment*. New York: Basic Books.
- Bumpass, L. L. & Raley, R. K. (1995). Redefining single-parent families: Cohabitation an changing family reality. *Demography*, 32, 97-109.
- Burhmester, D. (1996). Need fulfillment, interpersonal competence, and the developmental context of early adolescent friendship. In W. M. Bukowski, A. F. Newcomb, & W. W. Hartup (Eds.) *The company they keep: Friendship during childhood and adolescence* (pp. 158-185). New York: Cambridge University Press.
- Crittenden, P.M. (1995). Attachment and psychopathology. In S. Goldberg, R. Muir, J. Kerr, (Eds.), *John Bowlby's attachment theory: Historical, clinical, and social significance* (pp. 367-406). New York: The Analytic Press.
- Crittenden, P.M. (1997). Patterns of attachment and sexuality: Risk of dysfunction versus opportunity for creative integration. In L. Atkinson & K. J. Zuckerman (Eds.) *Attachment and psychopathology* (pp. 47-93). New York: Guilford Press.
- Crittenden, P. M. (1999). Danger and development: The organization of self-protective strategies. In J. I. Vondra and D. Barnett, (Eds.) *Atypical attachment in infancy and early childhood among children at developmental risk. Monographs of the Society for Research on Child Development* (pp. 145-171).
- Masten, A. S., & Coatsworth, J. D. (1998). The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children. *American Psychologist*, 53, 205-220.
- Savin-Williams, R. C., & Berndt, T. J. (1990). Friendship and peer relations. In S.S. Feldman, & G. R. Elliott (Eds.), *At the threshold: The developing adolescent* (pp. 277-307). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schulenberg, J., O'Malley, P. M., Bachman, J. G., Johnston, L. D. (2000). The course of well-being and substance use during the transition to young adulthood. In L. J. Crockett, R. K. Silbereisen, & K. Rainer (Eds). *Negotiating adolescence in times of social change* (pp. 224-255). New York: Cambridge University Press.
- Windle, M. A. (1994). A study of friendship characteristics and problem solving behaviors among middle adolescents. *Child Development*, 65, 1764-1777.